

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АУТОНОМИИ ВОЛИ
В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Синкевич К. В.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
sinkevich_kv@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются изменения, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» в части правил реализации автономии воли в сфере коллизионного регулирования договорных обязательств.

Кроме того, на основании сравнительной характеристики подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли в источниках коллизионного регулирования различного уровня, автором формулируются направления по дальнейшему совершенствованию белорусского законодательства.

Ключевые слова: международное частное право; принцип автономии воли; договорные обязательства с иностранным элементом; Закон об изменении кодексов.

**CURRENT ISSUES
OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF AUTONOMY OF WILL IN CONFLICT REGULATION
OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL OBLIGATIONS**

Sinkevich K.

*Senior Teacher at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
sinkevich_kv@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the changes provided for by the Law of the Republic of Belarus of November 13, 2023 № 312-Z «On Amendments to Codes» in terms of the rules for the implementation of autonomy of will in the field of conflict of laws regulation of contractual obligations.

In addition, based on the comparative characteristics of approaches to the normative consolidation of the principle of autonomy of will in sources of conflict of laws regulation at various levels, the author formulates directions for further improvement of Belarusian legislation.

Keywords: private international law; the principle of autonomy of will; contractual obligations with a foreign element; Law on Amendments to Codes.

В силу принципа автономии воли участники (участник) частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, вправе самостоятельно осуществить выбор подлежащего применению права.

В настоящее время принцип автономии воли проявляет устойчивую тенденцию к универсальности, поскольку в той или иной степени охватывает коллизионное регулирование практически всех групп частноправовых отношений, находит отражение в национальном, интеграционном, а также международном праве.

Так, обращение к принципу автономии воли допускается при коллизионном регулировании односторонних сделок, внедоговорных обязательств, вещных прав, брачно-семейных, наследственных отношений и т. д.

Вместе с тем классической сферой применения принципа автономии воли остается коллизионное регулирование договорных обязательств с иностранным элементом, в которой наиболее отчетливо проявляется свобода волеизъявления сторон, присущая как сфере материального, так и коллизионного регулирования упомянутых обязательств.

В законодательстве Республики Беларусь принцип автономии воли основывается на ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Следует отметить, что Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон об изменении кодексов) в ГК Беларуси внесены обширные изменения, в том числе касающиеся сферы коллизионного регулирования договорных обязательств. Указанные изменения вступят в силу с 19 ноября 2024 г. Новации направлены на устранение существующих пробелов правового регулирования и обусловлены, в частности, необходимостью гармонизации с гражданским законодательством

государств – членов Евразийского экономического союза. В рамках настоящей статьи представляется необходимым сосредоточиться на тех из них, которые касаются правил реализации автономии воли в сфере коллизионного регулирования договорных обязательств.

При проведении сравнительной характеристики подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли автор обращается к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского Парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее – Регламент Рим I) и Принципов выбора права в международных коммерческих контрактах, утвержденных 19 марта 2015 г. (далее – Гаагские принципы), что обусловлено следующими причинами.

В Европейском союзе унифицированные подходы к коллизионному регулированию договорных обязательств с иностранным элементом нашли отражение в Регламенте Рим I, который учел весь передовой мировой опыт коллизионного регулирования договорных трансграничных обязательств и оказал влияние на правотворчество в том числе в тех странах, которые не являются членами Европейского союза.

Интерес к исследованию российского законодательства обусловлен, в частности, участием Республики Беларусь и Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе, на уровне целенаправленного сближения права отводится значительная роль.

Гаагские принципы разработаны авторитетной международной организацией и во многих своих положениях отражают подходы, которые уже нашли отражение в деятельности международных коммерческих арбитражей. Кроме того, согласно п. 3 Преамбулы Гаагских принципов, последние могут использоваться для толкования, дополнения и разработки норм международного частного права (далее – МЧП).

Следует отметить, что опосредует реализацию принципа автономии воли в частноправовых отношениях с иностранным элементом акт избрания компетентного правопорядка, применительно к которому в доктрине МЧП, как правило, употребляется понятие

«соглашение о применимом праве». Необходимым элементом гражданско-правовых соглашений выступает «взаимное согласие сторон» [1]. Таким образом, формой выражения взаимного волеизъявления сторон на выбор компетентного правопорядка является соглашение о применимом праве. Подобная формализация выбора применимого права наиболее характерна для сферы коллизионного регулирования договорных обязательств (например, белорусский законодатель в ст. 1124 ГК Беларуси применительно к акту избрания применимого права оперирует понятием «соглашение сторон о выборе подлежащего применению права»).

При этом важно подчеркнуть, что выбор права, применимого к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом, может представлять собой и одностороннее выражение волеизъявления лица на применение определенного правопорядка. Как правило, односторонний выбор применимого права предопределяется необходимостью предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения (потребители, потерпевший в деликтных обязательствах и др.) или используется применительно к коллизионному регулированию односторонних сделок, что соответствует их материально-правовой природе как юридических актов, для совершения которых необходимо и достаточно выражения воли одной стороны.

Применительно к сфере коллизионного регулирования договорных обязательств примером допустимости одностороннего выбора применимого права в целях предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения выступает определение компетентного правопорядка к форме трансграничного потребительского договора. Так, согласно абзацу третьему п. 1 ст. 1209 ГК РФ, при наличии обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 1212 ГК РФ (то есть в ситуации пассивного потребления), к форме договора с участием потребителя по его выбору применяется право страны места жительства потребителя.

Таким образом, прослеживается воздействие на коллизионное регулирование формы потребительского договора одного из важнейших принципов обязательственного права – принципа защиты «слабой» стороны в обязательстве. Повышенная правовая защита

потребителя обеспечивается посредством предоставления возможности выбора применимого права к форме потребительского договора посредством одностороннего волеизъявления потребителя.

Следует подчеркнуть, что аналогичным образом в материально-правовой сфере нормы о защите прав потребителей устанавливают положения, которые направлены на повышенную правовую защиту потребителя не только в части регулирования содержания договора, но и в части правил о форме сделки (например, материальное право некоторых стран для действительности отдельных потенциально обременительных условий содержит требования, чтобы последние были изложены более крупным шрифтом либо чтобы под ними стояла подпись потребителя [2, с. 276].

В белорусском законодательстве автономия воли (как и иные коллизионные вопросы договорных обязательств) не регламентируется обособленно для коммерческих и потребительских договоров. Отсутствие специальных правил, содержащих особенности определения применимого права к трансграничному потребительскому договору (в том числе к его форме) представляет собой существенный пробел законодательства Республики Беларусь.

Современной тенденцией реализации принципа автономии воли в коллизионном регулировании договорных обязательств является отсутствие временных ограничений принципа автономии воли.

Согласно п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси стороны могут договориться о применимом праве как при заключении договора, так и в последующем. По данному вопросу реализации принципа автономии воли подходы ГК Беларуси, ГК РФ (п. 1 ст. 1210), Регламента Рим I (п. 2 ст. 3) и Гаагских принципов (п. 3 ст. 2) совпадают.

При этом в п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси нормативно не урегулирована ситуация, связанная с возможностью сторон изменить ранее осуществленный выбор применимого права.

Согласно п. 3 ст. 2 Гаагских принципов «выбор может быть сделан или изменен в любое время». В п. 2 ст. 3 Регламента Рим I также уточняется, что любое изменение в определении подлежащего применению права, которое происходит после заключения договора, не затрагивает формальную действительность договора в значении ст. 11 и не наносит ущерба правам третьих лиц.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – ППВС РФ № 24) разъясняется, что стороны вправе выбрать или изменить ранее выбранное применимое право после заключения договора.

Законом об изменении кодексов не предусматривается корректировка п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси в этой части. Вместе с тем вывод в поддержку расширительного толкования анализируемой нормы белорусского законодательства и распространения ее действия на последующее изменение выбранного права, следует из анализа правоприменительной практики [3].

Согласно п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси выбор сторонами по договору подлежащего применению права, сделанный после заключения договора, имеет обратную силу и считается действительным с момента его заключения без ущерба для прав третьих лиц.

Следует отметить, что одним из наиболее значительных изменений, предусмотренных Законом об изменении кодексов, является подчинение вопроса о форме сделки договорному статуту (п. 1 ст. 1116 ГК Беларуси).

Подчинение формы сделки договорному статуту, а не статуту места заключения сделки, влечет за собой внесение вполне оправданных изменений в п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси, который дополняется условием о действительности последующего выбора права без ущерба для действительности сделки с точки зрения требований к ее форме.

При ином подходе, последующий выбор применимого права (или его изменение) может привести к ужесточению требований относительно формы договора и последствий ее несоблюдения. Как отмечается в юридической литературе, «в таком случае при последующем избрании применимого права для регулирования взаимоотношений сторон по уже действующему международному коммерческому контракту было бы нелогично и нецелесообразно попасть в ситуацию, при которой контракт окажется недействительным по форме» [4].

Внесение указанного изменения соответствует современным тенденциям в сфере коллизионного регулирования договорных

обязательств, которые нашли отражение в анализируемых источниках коллизионного регулирования (п. 2 ст. 3 и ст. 11 Регламента Рим I, п. 3 ст. 1210 и ст. 1209 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 1124 ГК Беларуси допускается как явно выраженный выбор применимого права, так и подразумеваемый (или молчаливый).

В трансграничных контрактах с участием белорусских субъектов хозяйствования зачастую стороны формулируют свое волеизъявление на выбор компетентного правопорядка следующим образом: к правам и обязанностям по договору подлежит применению право Республики Беларусь. Включая подобные оговорки в контракт стороны сужают сферу действия договорного статута, которая значительно шире и не ограничивается правами и обязанностями сторон.

Вместе с тем белорусская правоприменительная практика свидетельствует о том, что подобные оговорки толкуются расширительно, т. е. как относящиеся ко всем вопросам, входящим в сферу действия договорного статута [5].

Представляется, что сложившаяся ситуация обусловлена действующей формулировкой п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси: стороны договора могут избрать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Аналогичным образом в региональных международных договорах, участницей которых является Республика Беларусь, признается возможность выбора правопорядка, применимого к правам и обязанностям контрагентов по сделке.

Законом об изменении кодексов предусмотрена новая редакция п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси, в котором акцент будет сделан на праве, «которое подлежит применению к их договору».

Следует отметить, что важные изменения коснулись также ст. 6 ГК Беларуси. Во-первых, в указанной норме закрепляется приоритет норм международных договоров и, во-вторых, исключается отнесение международных договоров Республики Беларусь к действующему законодательству. Указанные новации непосредственным образом влияют в том числе и на сферу коллизионного регулирования договорных обязательств с иностранным элементом, что можно проиллюстрировать на следующем примере.

На практике стороны различным образом формулируют в договоре международной купли-продажи свое волеизъявление на выбор компетентного правопорядка. Например, в договоре стороны могут выбрать в качестве регулятора своих правоотношений внутреннее национальное законодательство и включить в договор международной купли-продажи оговорку следующего содержания: «К настоящему контракту и правоотношениям, возникающим из него или в связи с ним, применяется законодательство Республики Беларусь».

Универсальной унификацией материально-правовых норм, регулирующих договор международной купли-продажи товаров, является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (г. Вена, 11 апреля 1980 г.) (далее – Венская конвенция 1980 г.).

Включая в контракт оговорку о выборе внутреннего национального законодательства в качестве регулятора отношений сторон, следует учитывать, что понятие «законодательство» не идентично понятию «право», и толкование подобной оговорки может привести правоприменителя к выводу об исключении применения Венской конвенции 1980 г., которая носит диспозитивный характер.

Следует отметить, что, согласно действующей редакции ст. 6 ГК Беларуси, нормы международных договоров включаются в национальное гражданское законодательство. В настоящее время правоприменительная практика свидетельствует, что включение в контракт оговорки о выборе в качестве регулятора договора международной купли-продажи законодательства Республики Беларусь не исключает применение Венской конвенции 1980 г. Со ссылкой на часть вторую ст. 6 ГК Беларуси суды определяют возможность регламентации отношений сторон по договору международной купли-продажи указанным международным договором [6].

На основании Закона об изменении кодексов ст. 6 ГК Беларуси изложена в новой редакции.

Внесение данного изменения обусловлено необходимостью приведения ст. 6 ГК Беларуси в соответствие с Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. (в редакции от 11 мая 2018 г.) № 421-3 «О международных договорах Республики Беларусь». В указанном

нормативном правовом акте не воспроизводится положение о том, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства.

Оценивая данное изменение правового регулирования, Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 7 мая 2018 г. № Р-1123 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» отметил, что наряду с актами внутригосударственного законодательства – законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, подзаконными нормативными правовыми актами, международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования, т. е. их нормы являются составной частью действующего права.

Вместе с тем, представляется, что в ситуации, когда стороны в контракте выбирают в качестве применимого «законодательство», а не «право», следует учитывать не только непосредственно оговорку, но и все обстоятельства данного дела, свидетельствующие в пользу применения или же неприменения положений Венской конвенции 1980 г. Так, например, если стороны включили в контракт оговорку о выборе белорусского законодательства, при этом требования истца и возражения ответчика основываются на нормах Венской конвенции 1980 г., есть основания полагать, что стороны не имели намерение исключить ее применение.

Однако следует согласиться с мнением, что такая ситуация – включение в договор оговорки о выборе в качестве применимого права внутреннего национального законодательства – создает фактическую возможность для последующих спекуляций одной из сторон, связанных с подбором более благоприятного для себя правового регулирования [7]. Рассматриваемый вопрос приобретает особую актуальность ввиду внесения изменений в ст. 6 ГК Беларуси, предусмотренных Законом об изменении кодексов.

В ГК РФ (п. 2 ст. 1210), Регламенте Рим I (п. 1 ст. 3) и Гаагских принципах (ст. 4) отражен подход, заключающийся в том, что для

констатации подразумеваемого выбора применимого права достаточно, чтобы такой выбор следовал из положений договора или обстоятельств дела.

Согласно новой редакции п. 2 ст. 1124 ГК Беларуси подразумеваемая воля сторон на выбор компетентного правопорядка должна явно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела.

В силу п. 4 ст. 1124 ГК Беларуси стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей. Такая ситуация именуется в доктрине МЧП расщеплением или делением договорного статута.

Допускается расщепление договорного статуса в п. 1 ст. 3 Регламента Рим I и п. 4 ст. 1210 ГК РФ.

Согласно п. 2 ст. 2 Гаагских принципов стороны могут выбрать: а) применимое право ко всему договору или только к его части; и б) разное право для применения к разным частям договора.

Следует обратить внимание, что, допуская расщепление договорного статута, законодатели вводят квалифицирующий признак – отдельные части договора. В Официальном отчете к Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 г.) акцентировалось внимание на понятии «делимый» (severable) договор. В документе подчеркивалось, что расщепление договорного статута допустимо в тех случаях, когда договор хотя и является одним договором, но на самом деле состоит из нескольких договоров или частей, которые могут быть разделены и независимы друг от друга с юридической и экономической точек зрения [8].

Расщепление договорного статута наиболее актуально применительно к трансграничным смешанным договорам, так как позволяет учесть особенности обязательственных правоотношений, которые складываются внутри той или иной сделки [9, с. 74].

Актуально раздробление правового регулирования применительно к сложноструктурированным долгосрочным сделкам, которые получили широкое распространение в международной торговле. Так, в юридической литературе отмечается, что, заключая трансграничный дистрибьюторский договор, возможно подчинить отношения сторон, связанные с передачей прав на объекты интел-

лектуальной собственности праву страны местонахождения правообладателя, а отношения, направленные на организацию сбытовой сети, – праву страны местонахождения дистрибьютора. При таком расщеплении договорного статута будут учтены императивные нормы тех юрисдикций, с которыми соответствующие отношения реально связаны [9, с. 76].

Согласно п. 29 ППВС РФ № 24 расщепление договорного статута допустимо при условии, что применение различного права для отдельных частей одного договора не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительным или незаключенным. При наличии таких противоречий суд признает соглашение о применимом праве неисполнимым и определяет договорный статут на основании коллизионных норм, применимых при отсутствии соглашения сторон о выборе права.

Вместе с тем представляется, что сам факт наличия таких противоречий является достаточным основанием для того, чтобы правоприменительный орган признал неисполнимость оговорки о применимом праве. Например, если в договоре международной купли-продажи стороны подчиняют права и обязанности продавца праву одного государства, а права и обязанности покупателя – праву другого государства, очевидно, что подобные противоречия не влекут признания договора недействительным или незаключенным, но тем не менее такая оговорка не может квалифицироваться как надлежащий выбор применимого права. Поскольку в договоре купли-продажи права одной стороны корреспондируют обязанностям другой, применение различных правопорядков к вышеуказанным отношениям не представляется возможным.

Следует отметить, что оценочный характер носит категория «непреодолимые противоречия», что может способствовать неограниченному усмотрению правоприменительного органа в решении вопроса о их наличии в соглашении о применимом праве.

Согласно Гаагским принципам, соглашение о выборе применимого права рассматривается как самостоятельное и независимое от основного договора. Как следствие, выбор права не может быть

оспорен только на том основании, что договор, к которому оно применяется, является недействительным (ст. 7).

Часть 4 п. 26 ППВС РФ № 24 закрепляет, что в силу принципа автономности соглашения о применимом праве недействительность, незаключенность или прекращение основного договора сами по себе не влекут недействительности или неисполнимости оговорки о применимом праве.

ГК Беларуси не содержит правил, закрепляющих автономный характер соглашения о применимом праве по отношению к самому договору.

Вместе с тем полагаем, что автономность соглашения о применимом праве следует из толкования иных правовых норм. Так, согласно ст. 1127 ГК Беларуси в сферу действия договорного статута включаются, в частности, вопросы последствий ничтожности или недействительности договора. Ввиду открытого перечня вопросов, входящих в сферу действия договорного статута, полагаем, что вопрос о заключенности договора также охватывается применимым правом, что подтверждается в том числе правоприменительной практикой [10]. Таким образом, оценка действительности и (или) заключенности самого договора будет осуществляться на основании норм применимого права, избранного в том числе по соглашению между сторонами договора в силу принципа автономии воли.

Согласно Гаагским принципам, вопрос о том, «согласились ли стороны на выбор права», по общему правилу подчиняется праву страны, на применение которого, как предполагается, стороны дали согласие (п. 1а ст. 6). Как отмечается в юридической литературе, разработчики Гаагских принципов умышленно ушли от использования терминов «действительность» и (или) «заключенность» соглашения о применимом праве, в связи с тем, что эти термины имеют различные значения в разных странах, вследствие чего возрастает возможность оспаривать соглашение и ставить под угрозу правовую определенность [11, с. 53].

В юридической литературе акцентируется внимание на необходимости разграничивать вопросы «допустимости» соглашения о применимом праве и его «действительности».

Согласно абз. 3 п. 26 ППВС РФ № 24 действительность соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли, а также заключенность такого соглашения как разновидности гражданско-правовой сделки определяются на основании права, указанного сторонами в соглашении о применимом праве. В соответствии с абзацем вторым п. 26 ППВС РФ № 24 суд определяет допустимые пределы выбора применимого права в соглашениях сторон (например, допустимость выбора применимого права после заключения договора, для отдельных частей договора) на основании российского права. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации разграничил вопросы допустимости выбора применимого права (а также его пределов) и действительности (а также заключенности) соглашения о применимом праве, подчинив первые *lex fori*, а вторые – *lex voluntatis* [12, с. 37].

Аналогичным образом п. 5 ст. 3 в совокупности с п. 1 ст. 10 Регламента Рим I относит вопросы существования и материальной действительности согласия сторон на выбор применимого права к выбранному сторонами праву. Вместе с тем само право сторон на выбор установлено непосредственно Регламентом Рим I и не требует дополнительных отсылок [12, с. 39].

ГК Беларуси не содержит правил, закрепляющих порядок отыскания права, на основании которого оценивается юридическая сила соглашения о применимом праве.

Следует отметить, что Гаагские принципы определяют также сферу действия выбранного сторонами договора права на случай заключения в последующем договора уступки требования (ст. 10). На практике не исключена ситуация, когда договор уступки подчиняется праву другого государства, вследствие чего возникает вопрос о том, какие правоотношения регулируются правом, выбранным первоначальными сторонами договора, а какие правом, выбранным цедентом и цессионарием [11, с. 53].

Согласно ст. 10 Гаагских принципов в случае договорной уступки прав кредитора в отношении должника, возникающих из договора между должником и кредитором, а) если стороны договора уступки выбирают право, регулирующее этот договор, то выбранное право регулирует взаимные права и обязательства кредитора и цессио-

нария, возникающие из их договора; б) если стороны договора между должником и кредитором выбрали право, регулирующее этот договор, то выбранное право регулирует вопрос о том, можно ли ссылаться на эту уступку в отношении должника; права цессионария в отношении должника; и вопрос о том, были ли выполнены обязательства должника.

В европейском и российском законодательстве содержится специальное коллизионное регулирование транграничной цессии. Пункт 1 ст. 14 Регламента Рим I при определении права, подлежащего применению к договорным отношениям цедента и цессионария, отсылает к общим правилам Регламента Рим I, посвященным определению права, применимого к договору. Статья 3 Регламента Рим I определяет принцип «автономии воли» в качестве основополагающего начала определения применимого права, а также устанавливает правила его реализации. Предоставляя возможность в п. 1 ст. 14 Регламента Рим I выбрать применимое право и одновременно преследуя цель предоставления коллизионно-правовой защиты должнику, европейский законодатель вводит ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

В п. 38 Преамбулы Регламента Рим I разъясняется, что термин «отношения» не должен пониматься как затрагивающий любое отношение, которое может существовать между цедентом и цессионарием. Данный термин должен быть строго ограничен теми аспектами, которые непосредственно затрагивают соответствующую уступку требования.

Из сферы действия права, применимого к договору уступки, европейский законодатель исключил следующие вопросы: возможность уступки требования, отношения между цессионарием и должником, условия юридической действительности уступки для должника и возможность утраты требованием силы в результате исполнения обязательства должником. Указанные вопросы, согласно п. 2 ст. 14 Регламента Рим I, входят в сферу действия права, которое регулирует уступаемое требование.

Подчеркнем, что перемена лиц в обязательстве ведет к изменению только субъектного состава правоотношения, тогда как его содержание остается неизменным. Применительно к коллизионному

регулированию указанное означает, что цессионарий, вступая в отношения с должником, попадает в сферу действия права, примененного к договору, требования по которому уступаются [13, с. 329].

При ином подходе правовые нормы правопорядка, избранного компетентным к договору уступки, могли бы оказать влияние на положение должника, например, при правовой оценке вопроса о надлежащем исполнении обязательства должником перед кредитором.

В российском законодательстве специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии нашло отражение в ст. 1216 ГК РФ. Анализ соответствующих норм позволяет констатировать, что по данному вопросу подходы, отраженные в ст. 14 Регламента Рим I и ст. 1216 ГК РФ, в целом совпадают.

Специальное коллизионное регулирование трансграничной уступки требования в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Согласно ст. 1127 ГК Беларуси уступка требования включена в сферу действия договорного статута. Буквальное толкование норм белорусского законодательства позволяет сделать вывод о том, что выбор сторонами трансграничного договора применимого права распространяется и на регулирование договора уступки требования. При таком подходе, цедент и цессионарий фактически лишены возможности определить право, подлежащее применению к заключенному между ними договору уступки. При этом следует учитывать, что цессионарий не принимал участия в выборе компетентного правопорядка по первоначальному договору, права по которому уступаются.

Современные тенденции развития МЧП свидетельствуют, что основным принципом коллизионного регулирования правоотношений между цедентом и цессионарием является автономия воли. Данный подход представляется обоснованным, так как учитывает, что договор уступки является самостоятельной гражданско-правовой конструкцией, что в свою очередь, предопределяет право сторон такого договора на выбор применимого права. При этом с целью обеспечения коллизионно-правовой защиты должника в источниках коллизионного регулирования вводятся ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

Подводя итог анализу реализации принципа автономии воли в договорных обязательствах, осложненных иностранным элементом, необходимо отметить следующее. Предоставляемая в силу принципа автономии воли свобода выбора применимого права может быть реализована посредством: 1. достижения соглашения о применимом праве; 2. одностороннего волеизъявления лица на выбор компетентного правопорядка (в том числе из ограниченного перечня вариантов, что находит выражение в альтернативных коллизионных нормах). Применительно к сфере коллизионного регулирования договорных обязательств допустимость одностороннего выбора применимого права предопределяется, в частности, необходимостью предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения (например, потребителю в трансграничных потребительских договорах).

В законодательстве Республики Беларусь принцип автономии воли основывается на ст. 1124 ГК Беларуси, в которую Законом об изменении кодексов вносится ряд существенных изменений. В частности, п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси дополняется условием о действительности последующего выбора права без ущерба для действительности сделки с точки зрения требований к ее форме. Кроме того, либерализуются требования к обоснованию наличия молчаливой воли сторон на выбор компетентного правопорядка.

Важные изменения коснулись также ст. 6 ГК Беларуси, в которой, во-первых, закрепляется приоритет норм международных договоров и, во-вторых, исключается отнесение международных договоров Республики Беларусь к действующему законодательству. Данные новации непосредственным образом влияют как на коллизионное регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в целом, так и на коллизионное регулирование трансграничных договорных обязательств, в частности.

Сравнительная характеристика подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли, основанная на анализе норм ГК РФ, Регламента Рим I и Гаагских принципов, демонстрирует, что по ряду ключевых вопросов подходы ГК Беларуси отражают современные тенденции в части правил реализации принципа автономии воли в коллизионном регулировании трансграничных

договорных обязательств. Речь идет об отсутствии временных ограничений автономии воли, возможности деления договорного статута, формах выражения волеизъявления сторон на выбор применимого права.

Ряд отличий связан с отсутствием нормативного закрепления принципа автономности соглашения о применимом праве от самого договора, правил отыскания права, на основании норм которого оценивается юридическая сила соглашения о применимом праве. Кроме того, в белорусском законодательстве отсутствует специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии и потребительских договоров с иностранным элементом.

Представляется, что при последующем совершенствовании национального коллизионного регулирования подходы, предлагаемые Гаагскими принципами, Регламентом Рим I и ГК РФ, могут быть приняты во внимание белорусским законодателем.

Список использованных источников

1. Демин, А. А. Договор и соглашение: соотношение понятий [Электронный ресурс] / А. А. Демин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-i-soglashenie-sootnoshenie-ponyatiy>. – Дата доступа: 09.01.2024.

2. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. – М. : Статут, 2021. – 665 с.

3. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торговой-промышленной палате, 21 марта 2006 г., дело № 534/49-05 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

4. Мещанова, М. В. Современные подходы к использованию принципа «Lex voluntatis» в международных коммерческих контрактах [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

5. Решение хозяйственного суда Брестской области, 2 апр. 2004 г., дело № 246-4/2003 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

6. Решение экономического суда Гродненской области, 13 окт. 2014 г., дело № 164-8/12/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

7. Мещанова, М. В. Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28738/1/16_%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf. – Дата доступа: 09.01.2024.

8. *Giuliano, M.* Report on the Convention on the law applicable to contractual obligations / М. Giuliano, Р. Lagarde [Electronic resource]. – Mode of access: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031\(01\):EN:HTML](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031(01):EN:HTML). – Date of access: 09.01.2024.

9. Мажорина, М. В. Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам / М. В. Мажорина // Журн. российск. права. – 2012. – № 10. – С. 72–81.

10. Решение экономического суда Минской области, 1 дек. 2017 г., дело № 206-14/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

11. Царёва, Л. Гаагские принципы выбора права в международных коммерческих контрактах: сфера применения и основные положения / Л. Царёва // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 4. – С. 51–54.

12. Новикова, Т. В. Действительность соглашения о применимом праве (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г.) / Т. В. Новикова // Международ. публич. и частное право. – 2021. – № 6. – С. 37–39.

13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.